

Сила большевика

Старатели! Бакой горькой насыпкой звучало разычие этого слова! На рабочий-шахтер, не земекоп, насыпающий жизни на хозяйской работе, а как будто волынка птица старалась для себя на отведенном ему участке, за свой риск и страх. Сам искал разычку и все подготовительные работы, сам строил жизнь — позднее бы только от казни от чиновников, начальников, от всяких бумажных дедов.

Но за допуск на участок старателей пласти хозяину «положенное». Старатели «старались» голодный и голод, а хозяин набивал карманы. Дни удач, когда артель попадала на богатую яму с «золотым дном» и находила большой самородок, такие дни, о которых мечтались десяти лет, а иногда и целую горбатую жизнь, проходили пыльным угаром. Старатель просыпалась с тяжелой головой, с туту набитым карманом.

От такой горькой, душной жизни уходили старатели, мечтавшие об избавлении от неписанной своей кабалы, в тайге, подальше от жизней мест — хищниц, хищников — этих вольных разведчиков, не имеющих прав ни на разычку, ни на самостоятельную промывку найденного им золота. Однака хищничество охотно допускалось хозяевами присков, которые охотились за вольными разведчиками и, как только золото было найдено, трахали их казаками и стражниками на основании закона. Открывателей прогоняли пистолетами, иногда расстреливали, участком завладевали промышленниками. И снова приходили старатели...

Так в борьбе с жесточайшей эксплуатацией жила и создавала свою традиции старательская вольница. В большинстве это были индивидуалисты, интересующиеся ничем, кроме своей крохотной артели, своей дальней. Такой сырой массой они прошли и через годы гражданской войны, и через годы первой пятилетки. Старатели считали, что для них законы не писаны. Они не признавали ни норм выработки, ни труховой дисциплины, иногда расстреливали, участком завладевали промышленниками. И снова приходили старатели...

Огромное впечатление произвело на рабочих спасение четырех старателей, засыпанных обвалом в шахте «Сухой». Что стала ранней жизнь рабочего? Чтобы скорее восстановить доступ к золотым забоям, хозяин взорвался был динамитом мерзлую глыбу, завалившую ход, и с ней взорвал бы людей, отрезанных от жизни, не обращая внимания на их призывающий стук.

Так и советовали дирекции поступить немецкий агент, инженер Зюк, для которого рабочие — только «ключи» для доступа к золотому сокровищу. «Принес должен понимать свой выход», — говорил он поучительно, словно перед ним находились упрямые и бесстолковые ученики. Но доводы агента немецкого фашизма, кажущиеся ему естественными, звучали для советских людей, как рассуждения лядоеда.

Смекала неугомонного Усольцева помогают спаси шахтеров. Всесобщий подъем на прислоке, созданный подлинно человеческой работой партийных руководителей об участии рабочих-старателей, вызывает прислок из прорыва. Народ отплатил за добрую работу сторожам. И вот прадеды... «Работчие люди, полтора месяца без отлучки проработавшие по призыву коммунистической организации, хотели знать, увидеть и услышать на народе, так ли, ядло ли они делали? Что они сработали? И что еще надо делать, чтобы ловче пошла жизнь?»

И слово «старатели» вдруг прозвучало гордо в речи партнера Усольцева: он называет старателями всех трудящихся советских людей. Он говорит, что старателем трудящимся выше всякой цены. «Все благости созданы его трудом». И впервые открываются рабочим-таскикам глубокий смысл их нового «старателя»: старались для своего государства, они стараются и для себя.

Теперь и на поиски золота они уходят не как хищники, стремившиеся к «вольной» жизни, а как сознательные рабочие, мечтавшие принести пользу народу, своей родной советской власти. Открыть «золотой амбарчик» для всех, а не про собственный черный день стал мечтой каждого советского старателя-разведчика. Изменялась в корне и психология сибирского старателя. Он стал болеть интересами не только своей артели, но и всего предприятия, всего советского государства, как более ими шахтер Донбасса или слесарь ленинградского Бирюского завода.

О таком перевороте в работе старого забайкальского старателя-разведчика Мунги и написал свою правдивую, взволнованную и яркую книгу Василий Ганибесов. Жизнь прислок писатель знает хорошо. В течение семи лет он был партнегом ЦБ ВКП(б) на золотом прислоке «Шахтам», расположенным в тайге, в районе вечной мерзлоты. Своей второй роман (первый роман «Эскадрон комиссаров» вышел в 1931 г.) В. Ганибесов закончил в далекой Отечественной войне. С первых дней войны писатель ушел на фронт. В январе 1943 года он погиб.

В своем романе В. Ганибесов создал обаятельный образ партнера Усольцева. Усольцев весь в действиях, в движении с первого появления на страницах книги, когда он спасает из облада-воронки коммуниста-забайкальца Чип-Фу.

Усольцев смело идет в самую гущу событий, и старатели, привыкшие к беспощадной жизни, сразу почувствовали его силу, а потом и поняли, что не только склонить, но и ногнуть его невозможно. Однако Усольцев отнюдь не диктаторствует. Он умеет найти главное звено, за которое в данный момент необходимо ухватиться. Он чуток в выборе людей, — тех, на кого можно и должно опереться, чуток в своем подлоде к ним. За всеми его действиями ощущается огромная любовь к людям. Этим он и привлекает к себе прислоковых активистов, таких, как Чип-Фу, как забайкальца Данила Жмачев, и старых писателей Фарта. Среди этих писателей, кровно обиженных дореволюционными порядками, но привыкших к «вольной» кочевой жизни, интересна фигура Ивана Якоби Зверева, старшина самой богатой шахты «Сухой».

Хорошо написан образ директора прислоки Наталии Свиридовой, выдвиженки, бывшего инструктора райкома. Сдержанно но волнистую рассказана история ее любви к Усольцеву. Веришь в их будущее счастье, как веришь словам Усольцева в конце книги:

«Я солдат, боен. Я всю революцию по нарядам хожу. Где плохо, — там я я. А работы везде — захлебнусь! И я не могу... Не могу, чтобы у нас было плохое...»

Усольцев настоящий боен-большевик. Он говорит Свиридовой о старателях: «Вы-

В. Ганибесов. «Старатели», «Октябрь» № 2, 1946.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«О ДЕРЗНОВЕНИИ И РОБОСТИ»

В связи со статьей А. Первеньцева «О дерзновении и робости», опубликованной в «Литературной газете» от 7 февраля, директор, главный инженер и партнёр ЦК ВКП(б) Краснокамского целикоэз-бумажного комбината сообщают, что комбинат досрочно выполнил план первого квартала.

Включаясь в предмайское социалистическое соревнование, комбинат обязуется завершить четырехмесячный план 20 апреля.

«ВОЗМУТИТЕЛЬНАЯ НЕВОЗМУТИМОСТЬ»

В связи со статьей А. Берзера «Возмутительная невозмутимость», опубликованной в № 20 «Литературной газете» от 10 марта 1948 года, профессорско-преподавательский состав факультета языка и литературы

Калининского педагогического института на специальном заседании обсудил работы, вошедшие в XV том «Ученых записок» института. Участники обсуждения, в том числе И. Нечаев и В. Банслов, признали правильной оценку «Ученых записок», данную «Литературной газетой».

Наряду с этим собрание отметило, что работы проф. Смирнова «Старина» — сказания любовные», доц. К. Емельянова «Чехов о науке и учениях» не получили еще должного критического анализа и оценки. Эти статьи, равно как и приложение к XV тому «Ученых записок», изданное в марте 1948 года, будут подвергнуты широкому обсуждению на заседании кафедры.

Директор Калининского педагогического института
П. ПОЛЯНСКИЙ

Полгода назад Государственный институт по проектированию кинопредприятий и кинотеатров разместил во все области страны альбомы типовых проектов. Более ста сельских кинотеатров в Тульской, Рязанской, Смоленской и других областях уже строятся по этим проектам. Учитывая особенности сельского кинотеатра, авторы проектов заменили фойе просторным вестибюлем, а зрительный зал сделали удобным для лекций, докладов и собраний.

Архитекторы А. Жбаков, В. Новак, Т. Акинфиева, В. Калмыков использовали в своих проектах традиции русского народного зодчества.

Сейчас коллектива московских архитекторов продолжает проектирование новых сельских кинотеатров. В стадии разработки находятся 8 проектов кинотеатров, рассчитанных на 250—300 мест.

На снимке: эскизный проект деревянного кинотеатра на 150 мест архитектора Т. Акинфиевой.

Проф. И. РЫЖКИН

ГЕНИЙ РУССКОЙ МУЗЫКИ

Книга Б. Асафьева «Глинка» написана нус музыки повышаются. Но если ситуация притянутая и эмоционально-вымысливальная — музу ходят: остаются лишь словесные тирады». Невозможно, однако, принять утверждение Б. Асафьева о том, что «предоставляющая свалка Антониды и Собинина» является «кодом лежащим действием», «лишненным лирического содержания» и что «тема «детей Сусанина» вклиняется в оперу... неподвижным грузом, да еще с официальной патриотической окраской».

Сочетание страстного увлечения своей темой с огромной эрудицией и мастерством музыковедческого анализа обусловило высокое достоинство книги. С ее страниц на читателя смотрят живой, подлинный Глинка, чутко вслушивающийся в музыкальную речь родного народа, понимающий ее помыслы и устремления и воплощивающий их в спектакле «Сусанина» и «Руслана» и в лирике романсов. Б. Асафьев убедительно показывает, что «общечеловеческое в творчестве Глинки выражается на основе народного — национального», «на основе такого его расцвета, когда есть чем подиться с другими народами».

Последуя прошлому, Б. Асафьев делает выводы для настоящего.

Русская музыкальная классика XIX столетия развивалась под непосредственным влиянием творчества великого композитора. Творческий опыт Глинки имел жизненное значение не только для своего века.

Перед советскими музыкантами стоит задача глубокого освоения этого драгоценного наследства. В наше время музыка в наиболее высоких ее проявлениях стала делом всего народа, а творчество Глинки отвечает запросам самых широких народных масс.

Подлинное ощущение требований нашей современности — вот главная причина жизненной убедительности в свежести книги Б. Асафьева.

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Русская музыкальная классика XIX столетия развивалась под непосредственным влиянием творчества великого композитора. Творческий опыт Глинки имел жизненное значение не только для своего века.

Перед советскими музыкантами стоит задача глубокого освоения этого драгоценного наследства. В наше время музыка в наиболее высоких ее проявлениях стала делом всего народа, а творчество Глинки отвечает запросам самых широких народных масс.

Подлинное ощущение требований нашей современности — вот главная причина жизненной убедительности в свежести книги Б. Асафьева.

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на то, что и вынужденность характеристик, данных Б. Асафьевым различным производителям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивалась композитор на своем творческом пути.

В. Асафьев показывает широкий круг интересов, неизуемую наивность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры лекабристской поры».

В борьбе за свободу Италии

Когда советские зрители познакомились с новым итальянским фильмом «Рим — открытый город», перед их глазами развернулась картина героической борьбы итальянского народа, погибшего на защиту своей жизни, свободы и чести. Герои фильма — простые люди, плоть от плоти итальянского народа, рабочие, работники, инженеры-коммунисты, священники. Все они становятся бесстрашными солдатами свободы, героями и мучениками. Несколько штрихами показана в фильме ведущая и организующая роль коммунистической партии, как авангарда общенародной борьбы.

«Рим — открытый город» — это воистину героическая эпопея народа, который в условиях жесточайшего террора гитлеровских нацистов предстоял прорвать верность своему славному революционно-демократическому прошлому, традициям великих демократов XIX века — Гарибальди и Мазини.

Той же теме посвящена вышедшая недавно в Италии книга Лунджи Лонго — «Народ в борьбе». Автор ее — один из видных деятелей итальянской коммунистической партии — был руководителем партизанского движения в Северной Италии в годы гитлеровской оккупации. Написанные неспосредственным участником и очевидцем событий, записки Лонго воспринимаются, как живой человеческий документ эпохи. Лонго показывает, как росло и ширилось движение Сопротивления в Италии в 1943—1945 годах, описывает отдельные его этапы. В вводной главе он дает краткий обзор борьбы коммунистов против фашизма с 1922 по 1943 год, т. е. со временем похода Муссолини на Рим и до вступления его в диктатуру; затем рассказывает о создании правительства Бадольо и предательской смене Рима немецкими итальянскими реакционными генералами, о германском и победоносном восстании на севере Италии. Понятно, что наибольший интерес представляют главы, в которых Лонго говорит о партизанском движении. На первых порах оно носило чисто стихийный характер; это была естественная реакция народа на зверства гитлеровских оккупантов. Но постепенно, в ходе борьбы движение становилось все более целесустроименным и сознательным. Личные интересы отступали на задний план, и все большее значение приобретали общегородские задачи и цели. Рожденная возмущением и отчаянием одиночек борьба постепенно превращалась в народное патриотическое движение, участники которого бесстрашно шли на верную смерть во имя жизни и счастья своего народа. Десятица страниц книги посвящены описание легендарных подвигов этих неведомых героев итальянского народа.

Бот молодой рабочий Ди Нанио. Тяжело раненный, он в продолжение многих часов отстреливался от окружавших его фашистов. Когда у Нанио вышли патроны, он на глазах у собравшейся толпы выбросился из окна и разбрзжал на смерть. Воен старый антифашистский боец, коммунист Джамбоне. Перед расстрелом он написал следующие строки: «Я склонен, ибо чувствую, что поступаю хорошо, отдавая всего себя, все свои силы священному делу освобождения человечества».

Поэт Иньяцио Виан был арестован гитлеровцами в Турине. Опасаясь, что под пытками он проговорится и выдаст товарищей, Виан перерезал себе вены и налил кровью на стене: «Лучше смерть, чем предательство».

Восемнадцатилетнего Альдо Сальветти фашисты распяли на кресте. Немецкие палачи требовали, чтобы он назвал имена

1 Luigi Longo. Un popolo alla macchia. Ed. Mondadori. Milano. 1947.

П. ЛИСОВСКИЙ

своих товарищай. Юноша гордо ответил: «Вы увидите их, когда они придут, чтобы отомстить за меня!»

Перед читателем проходит целая галерея портретов героев освободительной борьбы. Среди них: рабочие и ученики, крестьяне и артисты, торговцы и философы, солдаты и генералы, профессиональные революционеры и известные писатели. Все они встали на защиту своей страны.

75 тысяч сынов Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов. Лонго показывает, как росло и ширилось движение Сопротивления в Италии в 1943—1945 годах, описывает отдельные его этапы. В вводной главе он дает краткий обзор борьбы коммунистов против фашизма с 1922 по 1943 год, т. е. со временем похода Муссолини на Рим и до вступления его в диктатуру; затем рассказывает о создании правительства Бадольо и предательской смене Рима немецкими итальянскими реакционными генералами, о германском и победоносном восстании на севере Италии. Понятно, что наибольший интерес представляют главы, в которых Лонго говорит о партизанском движении. На первых порах оно носило чисто стихийный характер; это была естественная реакция народа на зверства гитлеровских оккупантов. Но постепенно, в ходе борьбы движение становилось все более целесустроименным и сознательным. Личные интересы отступали на задний план, и все большее значение приобретали общегородские задачи и цели. Рожденная возмущением и отчаянием одиночек борьба постепенно превращалась в народное патриотическое движение, участники которого бесстрашно шли на верную смерть во имя жизни и счастья своего народа. Десятица страниц книги посвящены описание легендарных подвигов этих неведомых героев итальянского народа.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвленам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылках, на заводах в полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Свойствах Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил италь